

Это не более, чем заметки зрителя, правда, активного райшевского зрителя с 50-летним опытом и стажем.

Для человека Время, категория Времени – скорее всего несчастье. Не счастье.

Ты родился: твоя жизнь по нарастающей, вся – впереди.

А как ведет себя время человеческой жизни? Оно сразу начинает убывать. Твоя жизнь – твое исчезающее время: капля по капле, секунда за секундой. Твоя жизнь – исчезновение времени. И исчезновение жизни. Счастье себя так не ведет. Время тебе сулит только полное исчезновение.

Это я к чему? Фиксирую в работах у мастера позднего Райшева: отсутствие. Отсутствие времени. Время отсутствует. А отсутствие времени – это состояние счастья. Я, зритель, стою у его работы – нет, я не потерялся во времени, не выпал из него. Его попросту нет, есть я и работа мастера. Это завораживающее событие и есть состояние счастья. Правда, счастье долгим не бывает. Всё-таки мы – дети времени.

И еще Райшеву требуется не только и не просто зритель. Но и слушатель. Из личного. Как-то давно, еще в старой остяковогульской мастерской Геннадия Степановича я испытал странное чувство. Тихо. Но – слышу звуки. Не звуки тишины. Определяюсь. Не галлюцинирую. Не – понедельник вчерашнего. Определяюсь. Что же звучит?

Звучат краски. Издают звуки. Птицы – краски. Деревья – краски. Хвойные и изредка лиственные. Озеро – краски. Очень похоже на шум тишины, но нет – это шум изображенного красками. Это не всегда. Но бывает: Райшев зазвучал. Может, картины переговариваются.

Но это – только Райшев. Исключительно. Недавно заходил в Русский музей. Прислушивался. Полотна молчат. Не слышен даже гул событий и сражений – brutальных – на батальных полотнах. Райшев для меня звучащий художник. Самый.

Не говорил бы о музыке живописи. Именно звучащей тишине. Тишине природы.

Уместно, наверное, говорить не о природе творчества, но – творчестве природы.

Для меня высший мастер – поэт, музыкант, живописец – не явление искусства и высочайшего профессионализма, но явление природы. Райшев – стихийное явление. Скорее всего, непонятное самому себе. Не всегда. Их, стихийных явлений, очень немного. Штучно. Меньше, чем классиков.

Когда автора-мастера знаешь лично и симпатично, его творчество воспринимаешь совершенно по-другому. Для меня даже самые горячие классики – холодны. Может, потому, что уже ушли. Произведения искусства. Райшев – весь, вместе со своим творчеством – творение природы. Живой природы. И сам живой. Живое творчество.

Мы знакомы давно. Я же сказал: у меня пятидесятилетний стаж смотрения-слушания его творчества.

А всё началось в Салехарде, в прошлом веке, в последней его четверти, полвека назад.

РЕКИ ДЕТСТВА ТЕКУТ К ИСТОКУ

Художника Геннадия Райшева пригласили в гости учащиеся местного салехардского культпросветучилища, я увязался за ним. Удивило, как Геннадий Степанович вел беседу с первокурсниками – ведь по первому своему диплому он педагог, преподаватель словесности. Но он не разжевывал букварных истин (азбучных для него, не для них), а разговаривал с будущими коллегами как со сложившимися мастерами. Странные на первый взгляд вещи толковал невысокий, с аккуратной тогда еще черной бородкой, весь очень какой-то опрятный человек.

– У каждого художника свое солнце, – Геннадий Степанович прикрепил к классной доске отгиск своей гравюры, в которой на первый взгляд было лишку зелени. – Мы выросли под зеленым солнцем Сибири. Только родившись, мы уже окунаемся в звонкий, солнечно-зеленый мир. Вспомните солнце, поднимающееся над тайгой, оно пробивается сквозь деревья, и весь мир соткан из солнечной зелени. Мы видим как бы зеленое излучение, ответный свет.

– Но разве зритель может понять зеленое солнце? – осторожно усомнилась юная слушательница.

– Я не хочу, чтобы меня понимали, – не запальчиво, а спокойно, так говорят о хорошо продуманных вещах, – ответил художник. – Я хочу, чтобы меня чувствовали.

На классной доске новый графический лист. На нем изображен человек, который едет по озеру в легкой лодочке-калданке. Но планы, масштабы, плоскости, перспектива – все смешано.

– Жизнь отрицает всяческую статику, она синонимична смерти. Объект художника – вечное обновление природы и человека. Ветер обтекает кусты, холмы и деревья. Мы не устаем наблюдать, как вода обтекает подставленную руку или весло, мы не устаем глядеть на огонь, как не устаем дышать. Ветер, огонь, вода – такие же реальные предметы изображения, как гора, дерево, дом.

Но если мы остановим их, мы их умертвим. Лепечет осина, в листочках которой запутался ветер. Как изобразить все это, чтобы оно не умерло на белой простыне листа? Простая изобразительность предмета не передает сложного движения жизни. Музыка графики ловит ритм жизни, и на мои графические работы не нужно просто смотреть – этот ритм надо впустить в себя, слушать, и он потечет в тебе.

Не знаю, до конца ли поняли художника его молодые слушатели, но мне та встреча врезалась в память. Провинциальное северное училище, затрапезная классная комната, притихшие юноши и девушки, головы которых вряд ли заняты новыми концепциями изобразительного искусства, а он, явно демонстративно переоценивая их, не подлаживаясь под их возрастную непосвященность, изрекает то, что считает нужным. Как будто ему предоставили последнее слово, как будто это последний шанс.

Я помню свое смущение, наверное, потому, что сам-то частенько подлаживался под настроение аудитории, учитывал, принимал во внимание...

А это значит, что немного да лукавил перед святой чистотой жизни, хоть немного, да кривил душой. А серьезные вещи нужно говорить без предварительного просчета: поймут – не поймут. Есть голова, есть сердце – поймут...

Совершенно нечаянно получил от Райшева такой урок, о котором сам преподавший его до сих пор, боюсь, и не подозревает. После классной лекции я вернулся в тесный зальчик краеведческого музея, чтобы в одиночестве (в провинциальном Салехарде народ не рвался на эту выставку) побродить среди привезенных им гравюр. По выставленным работам несложно проследить путь его поисков, но если задаться целью уловить последовательную смену манер, вряд ли можно провести четкое разделение. Характерны два листа с одинаковым названием «Земля предков». Мы видим, как художник уходит, избавляется от детальной конкретности, от дробности – это путь обретения цельно воспринимаемого мира.

«Земля предков» – плывущая рыба или летящая птица? – древний образ суши среди воды. Земноморье. Водоземье.

В «Плаче гагар» Райшев, наверное, первым в эпоху сибирской нефтеосвоительной эйфории поднимается до трагических обобщений, этот лист 1969 года можно назвать «предчувствием Самотлора». Художник трагически откровенен в понимании образа грядущих последствий сибирской жизни для югорской тайги. Его смелость рождена большой любовью к родному краю.

Он в тот раз признался, что цель его художественных поисков – растущая душа. Я его как будто понял, все вроде ясно, благородная цель мастера – душа, душа не застоявшаяся, а растущая, стремящаяся к совершенству. Правда, привычно усомниться – посильная ли цель поставлена? Мне подумалось – непосильная.

Но вот уже не один год с той встречи минул, часто вспоминаю райшевскую растущую душу и все больше сомневаюсь: один ли смысл мы вкладываем в знакомые слова, правильно ли я его понял. Он и в своем искусстве, и в своих словах неоднозначен. Он бросает зерно... Чьи-то полотна, чьи-то графические листы – это созревающие плоды, осенний сбор урожая с творческих нив. Райшев же бросает зерно... Конечно, он знает, что должно прорасти из посеянного. Но это зерно ведь прорастает в другой душе, в душе зрителя. В моей душе оно прорастает так, в вашей – иначе... Легкая цель – быть правильно понятым. Он видит задачу в том, чтобы прорастала человеческая душа.

...Пространство мира открывалось будущему художнику с реки, с отцовской калданки, с каждым новым гребком весла. Родной Салым, весной разливающийся в море, блестящая вода бесконечна и выпукла, и в детский ум входит понимание, что с земного шара можно скатиться, как с горки.

Солнце желто только на восходе, оно поднимается и начинает зеленеть, оно растворяется в окружающей зелени, солнце растворяет эту зелень в сильном свете, яростным свечением наливаются каждый травяной стебель, каждый древесный лист, изумрудно высвечивает ядовитая зелень болот, испарина над ними мерцает зыбкой янтарной драгоценностью. Они сталкиваются – стихии зелени, воды и солнца, и каждый новый шаг рождает вспышку лучезарности. Солнце взрывает в человеке спрессованную радость.

– Тот, кто рисует свинцовые воды, тяжелое небо, пасмурные берега, хмурые леса – Севера не видел, а если и видел, то не понял. Север светел, ярок, солнечен. Так понимаем его мы, внутренние северяне.

Цветная трель птицы, которую можно пересказать охрой и лазурью, ветер, набравшийся зелени, родина речных островов, солнцем оторванных от водной глади. Он никогда не писал стихов, он сразу начал рифмовать кистью...

Зеленое солнце взорвалось в нем, и родился художник.

Очень важно для зрителя, в какой день попадаешь к художнику в его мастерскую.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

1 января. Нерабочий день.

Для народа и человечества – Новый год. Для художника нерабочих дней не бывает. Творческий процесс – круглосуточное производство образов.

Может быть, само творчество – вид отдыха. Праздность. Праздный вид работы. Тогда во всеобщий праздник праздничное творчество особо уместно.

Геннадий Райшев, излишне не философствуя, первого января работает. Может быть, лишний раз подтверждая, что его творчество – праздник.

У него в Ханты-Мансийске в только что завершившемся году открылась новая мастерская. Да что там мастерская – настоящий храм Творчества. Пространство большое, но тесное. На четырех этажах – только малая толика того, что сотворил этот хрупкий мастер.

Да, он сам сложновато – невысок, худощав, щупловат – вписывается в эти мощные объемы. Мощь его проявляется в другом. Кто-то пишет летопись жизни, он – непосредственную живопись жизни. Монументальные незатейливые мгновения. Монументализм незатейливости.

Он понял главное: природа не знает размера. Может быть, самое мелкое – в ней самое крупное.

Он работоспособен, как муравей. И как муравей монументален.

Это очень важно, к кому в современники попадаешь. Я бы не против побывать в шкуре современника Микеланджело или Модильяни. Но я помню, как мне повезло.

– Я счастлив быть твоим современником, вечный Геннадий Степанович.

Спасибо, маэстро!